Моя младшая сестра всегда боялась щекотки. Когда мы были детьми, я гонялась за ней по дому и щекотала ее, пока она не сдавалась. Иногда у нашей мамы было плохое настроение, и она отчитывала нас, когда слышала, как Аннет визжит и пытается вырваться от меня. Это всегда было весело, я не пыталась мучить сестру, щекоча ее. Когда Аннет задыхалась: "Я сдаюсь!". Я чмокал ее в кончик носа и помогал ей встать на ноги.

Время от времени у Аннет бывало плохое настроение, и ей не хотелось играть. Я различала, когда она игриво кричала "Стоп!", а когда серьезно. Когда такое случалось, я быстро переключался на роль ее защищающего старшего брата. Аннет всегда была уверена, что я не стану разглагольствовать, когда ее что-то беспокоило. Она могла рассказать мне все... ну, до определенного момента.

Когда у нее начались месячные и менструальные спазмы, ее "женские проблемы" немного вышли из моей зоны комфорта. С другой стороны, когда она начала влюбляться в мальчиков, я смогла дать ей несколько полезных советов. Я также была там, чтобы возвышаться и запугивать любого молодого парня, который неуважительно относился к моей младшей сестре. Мне никогда не приходилось надирать кому-то задницу за нее, но я бы сделал это.

После окончания школы я вступил в Национальную гвардию. В то время это казалось хорошей идеей. Я получал деньги на колледж, плюс несколько сотен баксов в месяц. Как может сказать вам любой, кто завербовался в армию, вербовщики врут как проклятые. Этот парень заверил меня: "О, если ты будешь служить в гвардии, тебя, скорее всего, никогда не призовут в зону боевых действий. В последний раз это случилось во время войны в Персидском заливе, и они призвали сначала резервистов".

Чушь.

После загрузочного лагеря меня отправили на курсы усовершенствования пехоты в Форт-Беннинг, штат Джорджия. Честно говоря, это было очень круто. Это не для всех, но мне нравилось выходить на улицу, стрелять из оружия и участвовать в большинстве учебных упражнений. К тому времени, как мы закончили обучение, я чувствовал себя настоящим крутым парнем - настоящей машиной для убийства. Потом меня отправили в гвардейское подразделение.

В Афганистан.

Сначала я был шокирован, но моя мать была в апоплексии. Она звонила людям, которые были намного выше меня по служебной лестнице, выговаривала им и требовала, чтобы мне разрешили вернуться домой. Мама никогда не говорила мне, что именно это она делала; я узнал об этом, когда это дерьмо скатилось вниз по командной цепочке и обрушилось на меня. К счастью, мой командир взвода был довольно крут. Даже несмотря на то, что он получил нагоняй от командира нашего подразделения, он отвел меня в сторону и объяснил, что происходит, вместо того чтобы позорить меня перед всеми в подразделении.

Тем не менее, слухи дошли до всех. На какое-то время я получил прозвище "маменькин сынок".

Под "некоторое время" я имею в виду остаток моей службы в Афганистане. Я позвонил ей при первой же возможности и объяснил: "Слушай, мам, я подписался на это. У меня контракт на два года. Это не то, чего я ожидал, но нашему подразделению осталось провести здесь всего три месяца, а потом мы все вернемся домой. Пожалуйста, прекрати звонить. Ты только создашь мне проблемы".

В итоге я солгала собственной матери, заверив ее, что все не так уж плохо и что все будет хорошо. До истечения этих трех месяцев мы потеряли семь человек в моем подразделении. Двое из них погибли, а остальные пятеро получили ранения, которые положили конец их военной карьере. Затем правительство США решило продлить срок службы нашего подразделения еще на шесть месяцев. До окончания этого срока нам продлили контракт еще на год.

Все два года моей службы в Национальной гвардии прошли в Афганистане. Когда ко мне обратились по поводу повторного призыва, я отсалютовал парню одним пальцем. Мне казалось, что такой ответ был достаточно ясным.

Не то чтобы я постоянно находился в зоне боевых действий. У меня было несколько отпусков, но ни один из этих трех раз я не поехал домой. Вместо этого я практически взял отпуск в Европе. Эти короткие передышки помогали мне оставаться в здравом уме. За два года службы в Афганистане у меня появилось несколько друзей среди местных жителей. Без их помощи мы бы не справились со своей работой. Не то чтобы в нас постоянно стреляли, но мы все равно не могли никуда пойти, не будучи в полном боевом обмундировании, с бронежилетами и заряженным оружием. В летнюю жару было душно.

* * *

Полеты из Афганистана в Германию и из Германии в Штаты осуществлялись Военным воздушно-транспортным командованием. Для них мы все еще носили нашу форму и снаряжение. Только после того, как они заставили меня сдать все это снаряжение и я был выведен из состава гвардии, я оказался в гражданской одежде на рейсе внутренних авиалиний домой. Отец встретил меня в аэропорту и крепко обнял.

Я не могу передать словами, как мне было хорошо. Не то чтобы я нуждался в объятиях, но это было приветствие дома, которое готовилось целых два года. У нас обоих были слезы на глазах, когда он наконец отпустил меня.

"Твоя мама так хотела быть здесь", - сказал он, покачав головой. "Она уже забронировала все места на этой бизнес-конференции, прежде чем поняла..."

"Все в порядке, папа", - усмехнулся я. "Ты же знаешь, что она бы разрыдалась, если бы была здесь. О, вот моя сумка".

Я услышала его хихиканье, когда подняла вещевой мешок. Теперь она казалась ужасно легкой.

"Похоже, вы в хорошей форме", - прокомментировал он, когда я перекинул сумку через плечо, и мы вышли из терминала.

"Да, сэр, думаю, так и есть", - сказал я.

По дороге к дому папа сказал: "О, я отправлюсь довольно рано утром. Этим летом я работаю в "лагере" для некоторых наших детей из группы коррекции. Это всего две недели. Твоя мама вернется через три дня. Как только мы закончим лагерь, я хочу сделать что-нибудь семейное. Мы немного говорили об этом, но так и не придумали "то, что нужно". Если вы сможете придумать что-то замечательное, я буду благодарен".

Мой отец был учителем, и так было всю мою жизнь. Большую часть лета он занимался чем-то подобным для школьного округа, так что это не было сюрпризом. Мама занималась одним из тех видов бизнеса, где "это не финансовая пирамида". Она начинала с продажи косметики, но потом продвинулась в компании и большую часть времени проводила, набирая и обучая других женщин. Эти бизнес-конференции, семинары и выездные семинары были частью ее жизни в течение последнего десятилетия.

Я кивнула. "Я подумаю об этом", - сказала я. Затем мне пришлось подавить зевок. Было почти два часа ночи, а я чувствовала себя так, словно последние три дня находилась в постоянном движении. Я поняла, что ухмыляюсь как идиотка, когда мы въехали в наш район и я увидела дом. Моя комната была почти такой же, какой я оставила ее два года назад, за исключением того, что она была явно чище. Я рухнул на кровать, как только снял рубашку, джинсы и носки, и мгновенно уснул.

* * *

На следующее утро я проспал до тех пор, пока меня не разбудило солнце, пробивающееся сквозь жалюзи. Мне потребовалось мгновение, чтобы понять, что я дома. Улыбка расплылась по моему лицу от одной этой мысли. Я дома. Я добрался! Я встал с кровати и лениво потянулся. Впервые за два года мне не нужно было сразу одеваться в форму. Выйти за дверь спальни в одних трусах и майке было очень приятно.

Я прошел в ванную, чтобы облегчить мочевой пузырь. Это заняло некоторое время, поскольку моя "утренняя древесина" упорно не хотела проходить. Как только я закончил мочеиспускание, он снова затвердел, когда я вытряхнул последние капли. Я вздохнул, глядя на свой пульсирующий стояк. Мне нужно было переспать, но я не знал, есть ли среди моих бывших подружек те, кто все еще рядом, или свободен, или заинтересован. Это может занять какое-то время. Я заправил разбушевавшуюся брючную змею в боксеры и вымыл руки и лицо, прежде чем отправиться завтракать.

Я не смог подавить ухмылку, когда увидел на кухне сестру, стоящую ко мне спиной. Она была выше, чем я помнил ее после двух лет, но я узнал ее любимую футболку. Я подкрался к ней сзади, и мои пальцы скользнули к ее бокам, чтобы пощекотать ребра. Аннет издала леденящий кровь крик и обернулась с расширенными от ужаса глазами.

Я поднял руки перед собой, защищаясь. "Аннет! Это я, Брайан! Успокойся".

Очевидно, я действительно не подумал об этом. После всего этого времени она не ожидала моего появления. Она начала бить меня обеими руками, а я блокировал эти полусерьезные удары предплечьями.

"Ты придурок!" - шипела она. "Ты напугал меня до смерти!"

Я сузила глаза, и она расширила их в ответ. "О, нет", - пробормотала она, качая головой.

"О, да!" ответил я, снова наступая ей на ребра.

Ей удалось вывернуться из моих рук, и она, хихикая, помчалась в свою комнату. Я бросился за ней, но заметил, что моя сестра не просто стала выше. Ее тело больше не было телом маленькой тощей девочки. Старая футболка облегала ее выдающуюся грудь, а бедра явно стали шире. В данный момент я не думал об этом - я был намерен поймать ее и щекотать, чтобы она подчинилась, как я делал это на протяжении многих лет.

Я догнал ее, когда она дошла до своего подъезда. Она повернулась, чтобы захлопнуть дверь, но я был слишком быстр. Аннет игриво вскрикнула, когда я щекотал ее, отступила к своей кровати и отмахнулась от моих рук. В этот момент произошло разделение между моими глазами и остальным телом. Мои руки работали на автопилоте, с безошибочной точностью отыскивая щекотные места сестры и избегая ее попыток отбиться от меня.

Вдруг мой взгляд привлекли твердые соски, выделяющиеся прямо передо мной. Сквозь старую нитяную футболку была почти полностью видна внушительная грудь моей сестры. Ее темные соски и кружочки ореол гордо торчали, соблазнительно покачиваясь, когда Аннет хихикала и подпрыгивала в моих объятиях.

Она продолжала двигаться назад, пока задние части ее бедер не ударились о матрас, и тогда она потеряла равновесие и упала обратно на кровать. Она была в моей власти, беспомощно хихикая и пытаясь отползти от меня на спине. Я последовал за ней и продолжал щекотать ее. Я не мог перестать ухмыляться. Мне так этого не хватало.

Наконец, Аннет задыхалась: "Я сдаюсь!" и вскидывала руки над головой.

Я скрючился над ней на кровати. Мы улыбались друг другу и задыхались. Я положил руки по обе стороны ее грудной клетки и наклонился, чтобы поцеловать кончик ее носа, как делал это много раз до этого. Глаза Аннет открылись как раз в тот момент, когда я почувствовал что-то удивительно горячее и влажное вокруг головки своего твердого члена.

Я моргнул, глядя ей в глаза, не в силах остановить свои бедра, подавшиеся вперед. Еще больше моего члена погрузилось в эти гостеприимные, влажные объятия. Аннет издала тихое "О!", и

это вывело меня из оцепенения. Я перестал толкаться в нее и посмотрел вниз. То есть, я знал, что произошло, но все равно это был шок - впервые смотреть на киску сестры и видеть, как ствол моего члена растягивает ее.

У Аннет была прекрасная маленькая пушистая киска. Ее ноги были раздвинуты по обе стороны от моих бедер. Я с недоумением наблюдал, как я вытащил свой член из нее на дюйм, а затем снова ввел его. Мой взгляд снова блуждал по ее телу, обращая внимание на ее твердые соски и вздымающиеся груди, прежде чем я снова встретился с ее глазами.

"На тебе нет трусиков", - задохнулся я. Я почувствовал себя идиотом, как только сказал это.

Аннет прикусила губу и покачала головой. Мы обе все еще задыхались. Это казалось мне нереальным, как будто этого не может быть. В то же время ее киска, сжимавшая мой член, казалась влажным совершенством. Зубы Аннет отпустили ее губы, и ее рот широко раскрылся, когда я вогнал остаток своего ствола в нее.

Ее глаза были дикими, когда она смотрела мне в лицо. Моя сестра подняла руки к моим плечам, и они затрепетали, когда коснулись меня. Она выглядела такой сексуальной и беспомощной в этот момент, а ее уютная киска чувствовала себя невероятно хорошо, обхватывая меня. Еще лучше стало, когда я оттянул свой член назад и снова плавно вошел в нее. Мы оба застонали от этого невероятного ощущения.

Прошел почти год с тех пор, как я так наслаждался ощущением женской киски, обхватившей мой член. Я подцепил немецкую девушку недалеко от Франкфурта после ночи, проведенной в клубах. Она была блондинкой и очень худой, что резко контрастировало с темными вьющимися волосами и сладострастными изгибами моей сестры.

Я наслаждался ее тугой влажностью вокруг меня, пока не почувствовал, как ее ногти впились в мои плечи, и она вздохнула: "О, Брайан!".

Это остановило меня. Я вздрогнул, вытащил из нее всю свою длину и поднялся на ноги. Мы оба уставились на мой блестящий член, который пульсировал передо мной, торча прямо из боксеров. Я провел языком по своему рту, чтобы выпустить немного слюны.

"Мне так жаль", - задыхался я. "Просто мне было так хорошо. Я не хотела останавливаться. Я не хотела..."

Аннет кивнула, приподнявшись на кровати. Она все еще задыхалась. "Это...", - начала она, а затем задыхалась еще несколько раз. "Я понимаю".

Она, казалось, неохотно сомкнула ноги, и мне было трудно оторвать взгляд от ее сексуального тела. Мои ноги дрожали, и я все еще был полностью тверд.

Мне нужно уйти отсюда! резко подумал я. "Прости!" Я снова запыхался, повернулся и быстро вышел за дверь.

* * *

Я взял сменную одежду и пошел в душ. В конце я выключил горячую воду и несколько минут стоял под прохладной струей. Это почти заставило мой стояк исчезнуть.

Думаю, нам повезло, что родителей не было дома. Это дало нам возможность уединиться, чтобы попытаться поговорить о том, что произошло. Очевидно, это был нелегкий разговор. Аннет была все еще в той же футболке и, очевидно, не надела бюстгальтер. Зато на ней были свободные хлопковые шорты. Стыдно признаться, но единственные шорты, которые у меня были, остались с тех пор, как я два года назад уехала в учебный лагерь. Теперь они были ужасно тесными.

С тех пор как я уехал, я набрал тридцать килограммов, причем большая часть из них приходилась на мышцы, а большая - на бедра и задницу. Несмотря на то, что на мне были боксеры, мой член был четко очерчен плотным хлопком шорт. Я представил себе, что мои старые шорты-карго уже не налезают. Мы с Аннет быстро оглядели друг друга и нервно облизнули губы. Затем мы нервно улыбнулись друг другу, и она тихонько хихикнула.

"Думаю, мне придется взять в привычку носить трусики, раз уж ты вернулся", - пробормотала она. Я покраснел, но прежде чем я успел заикаться об извинениях, она продолжила. "Прости, я не пыталась доставить тебе неприятности", - прошептала она. "Я знаю, что ты сделал это не нарочно".

"Да", - пробормотал я в ответ. "Упс".

Мы оба хихикнули и покачали головами. Аннет похлопала по дивану рядом с собой.

"Присаживайся", - сказала она.

Я колебалась. "Вообще-то, я так и не позавтракала", - наконец сказала я, разводя руки в беспомощном жесте. "Наверное, мне стоит что-нибудь съесть".

Она кивнула мне в ответ и встала, отчего ее груди соблазнительно покачивались. Она усмехнулась, поймав мой взгляд. "Меня грубо прервали, когда я пыталась принести молоко", - ответила она. "Перемирие?"

"Перемирие", - согласился я.

Это был наш условленный сигнал, что щекотки не будет, с тех пор как мне было одиннадцать, а ей девять. Мы вместе пошли на кухню, взяли хлопья и молоко и сели за стол в столовой, чтобы

спокойно поесть и обдумать, что мы скажем. Хотя мы ничего не сказали, мы продолжали смотреть друг на друга, пока хрустели хлопьями во рту. В конце концов, мы доели и все еще не знали, что сказать. Я встал и первым пошел на кухню, убрав молоко и запустив воду в раковину.

Вскоре за мной последовала Аннет, и я отошла в сторону, чтобы дать ей возможность воспользоваться раковиной, когда мои миска и ложка были чистыми. Я был удивлен, когда она встала, положив свою посуду в посудомоечную машину; она покраснела и явно рассматривала мою задницу. Я поднял бровь, а она прикусила губу и покачала головой, прежде чем выключить воду и вытряхнуть миску и ложку.

Как только она положила их в посудомоечную машину и встала, я подкрался к ней сзади. "Перемирие закончилось?" пробормотал я ей на ухо.

"Пожалуйста, не надо", - прошептала она. "Нам действительно нужно поговорить о том, что произошло".

Я кивнул, но не мог не заметить, как напряглись ее соски, когда она повернулась. Я тяжело сглотнул и попытался придумать, что сказать. "О!" - промурлыкала я, - "Папа сказал, что мы должны придумать, чем заняться всей семьей, когда он завершит свой лагерь".

Аннет наклонила голову и нахмурила брови, глядя на меня. "Я не понимаю, какое отношение это имеет к тому, что произошло раньше", - сказала она.

"Ничего, наверное", - неубедительно ответила я. "Я просто пытался придумать, что сказать, кроме "прости, что всунул в тебя свой член"".

Это вызвало ухмылку. В тот момент я понял, какой красивой девушкой была моя сестра. Мой взгляд был настолько захвачен ее телом, что я не оценил ее прекрасное лицо.

"Думаю, это была моя вина", - пробормотала она. "После твоего отъезда я так часто оставалась дома одна, что у меня появилась привычка спать без трусиков. Прошлым и этим летом, когда я знала, что папы не будет дома, я просто бродила по дому в таком виде. Я знала, что ты придешь домой, но мне не пришло в голову изменить эту... эм... привычку".

"Печально то, что последние два года я не могла встать с постели и выйти из палатки, не переодевшись в боевое снаряжение", - сказала я, печально покачав головой. "Я был в восторге от того, что наконец-то получил возможность ходить в одних боксерах и футболке".

"Подожди, ты все это время жил в палатке?" - спросила она с недоверием.

"Большую часть времени", - пожал я плечами. "Я имею в виду, это были большие палатки. Больше похожи на переносные здания, чем те, которые мы использовали, когда ходили в

походы в детстве".

Это подтолкнуло нас к совершенно новому разговору о моем опыте в Афганистане. В итоге мы даже не стали говорить о том, что произошло раньше. Мы также поговорили о последних двух годах обучения Аннет в средней школе и о парнях, с которыми она встречалась. Потом пришел папа, и у нас действительно не было возможности поговорить о том, что произошло раньше.

Он присоединился к нам и задавал всевозможные вопросы, а я рассказала им кучу своих историй. Я не рассказывал им о боевых действиях, только о повседневных делах с людьми из моего подразделения и друзьями, которых я там завел. Мы вместе пообедали, и вскоре после этого позвонила моя мама, чтобы поговорить со мной. По телефону она говорила радостно, хотя и извинялась за то, что не была в аэропорту накануне вечером.

"Все было хорошо, мам", - заверила я ее. "Я прилетела так поздно, что сразу же легла спать, как только мы добрались до дома. Я бы не была хорошим собеседником. Это была очень долгая неделя, прежде чем я вернулась домой".

Я с удивлением почувствовал руки Аннет на своих плечах и поднял на нее взгляд. Она улыбалась мне, массируя мои плечи и шею. Это было очень приятно, и я не понимала, насколько напряжена, пока мышцы не начали расслабляться.

После того как я поговорила по телефону, мы с Аннет отправились по магазинам. Мне нужна была новая одежда, особенно шорты, а у нее была своя машина. Когда мы выехали с подъездной дорожки, она пробормотала: "Наверное, мне нужно купить новое белье, пока мы едем".

"Почему?" спросил я.

Она слегка покраснела и покачала головой. Через минуту или две она сказала: "Знаешь, ты прав. Белье у меня нормальное. Я не знаю, почему я думала, что это будет большой проблемой".

"Большое дело" - это не то, как я бы описала трусики моей сестры. Оказалось, что все они были крошечными, и в основном стринги, но я отвлекаюсь.

Мы пошли в местный Wal-Mart, и я купила удобные шорты. Я примерила несколько пар для сестры. Ее немного смущало то, что она каждый раз пристально смотрела на мою промежность, но в этом и был смысл. Я пытался найти такие шорты, в которых мой член не был бы виден ей. Я также прихватил несколько новых футболок. Глаза моей сестры загорелись, когда она увидела одну из них - черную футболку с логотипом Супермена на ней.

http://erolate.com/book/2597/62407